

квиромочка [прогулки по васильевскому острову во время пандемии].
<https://t.me/kviromochka>

30 апреля

по новостям сказали, что пандемия уже изменила нашу жизнь и неизвестно что будет, я собрался за хлебом и кефиром, завязывая шнурки я понял, что завязываю их как-то не так, обычно мне легко давалось сделать два банта а сейчас получился один и остаток шнурка слишком длинный оттопырился и волочился по земле как жирный червь, я одернул руку, сорвал с себя кроссовок и решил никуда не ходить, гречки оставалось еще две с половиной пачки, к тому же в морозилке лежала тушка рыбы путассу, которую я любил рифмовать с философом Квентином Мейясу. мой взгляд уткнулся в стену и в каждой ее поре штукатурки начало проступать какое-то жуткое предзнаменование, я зажмурил глаза потом открыл снова - вся стена покрылась таинственными иероглифами каждый размерами с гигантского жука или паука, насекомые выползали из трещин и лезли в мои глазницы, я резко отпрянул и решил пропылесосить комнаты, пылесос включился не с первого раза, что странно так как обычно он включался с первого раза, но со второго раза пылесос нехотя загудел, но загудел каким то протяжным трубным гласом как гигантское праисторическое животное, его вой нарастал и становился все более страдальческим, я остановил пылесос, но тот не выключался, я начал жать кнопку и давил на нее, но тщетно, тогда я заглянул внутрь пылесоса, там крутился барабан и на барабане был намотан комок совсем не пыли а чьих-то окровавленных кишок, я в ужасе отпрянул, но хобот пылесоса начал втягивать меня обратно сильнейшим всасывающим потоком, будто желая заглотить внутрь своего барабана и перемолоть, я в ужасе отбросил рукоятку пылесоса и побежал на кухню, достал из холодильника яйцо и разбил его на сковородку, яйцо зашипело сначала ровным белым шумом шшшшш, который все время нарастал и достиг такой мощности, что мне пришлось затыкать уши, в этот момент белок на яйце сделался из прозрачного в белый и его сверх-яркая белизна ослепила меня, я снова зажмурился. в эту секунду горячая капля жира выстрелила мне в руку, будто ставя ожег отметину прокаженного, я бросил сковородку и выбежал с кухни в ванную посмотреть на себя в зеркале, там я увидел постаревшую еще на один день особь мужского пола с синяками под глазами, с двухнедельной щетиной переходящей в неухоженную бороду, в этот момент борода как муравейник поползла по моему лицу вверх и закрыла сначала щеки и нос потом глаза и лоб и мое лицо оказалось все покрыто густым волосным покровом, я в ужасе затряс головой пытаюсь стряхнуть наползающие волосы, они разлетались в разные стороны, но лицо все равно оставалось волосатым, а из моих глаз начали расти целые пучки седых волос. мир сорвался с петель, подумал я словами шекспировского гамлета и на ощупь, больно ударяясь о косяки дверей выбежал из ванной и побежал в комнату, бросившись на диван и закрылся покрывалом с ног до головы, наступила гробовая тишина и темнота.

22 мая

«COVID-19 наш новый ИСУС» завидя эту надпись в одном из питерских дворов-колодцев на васильевском острове, я подумал, что именно так в этом постсекулярном мире после метафизики из чиха и кашля, буквально из слизи, родится неоязычество с его миллионами амбивалентных микроскопических вирусов-божеств. и означающее «virus» показывает нам это своей богатой этимологией: слизь сок семя ядовитое выделение язвительность зловоние едкость горечь...

- 1) слизь (cochlearum PM); слизистый сок (pastinaceae PM); семя животных V, PM;
- 2) ядовитое выделение, яд (serpentus V): ferro v. inest O стрела отравлена;

- 3) ядовитость, язвительность, жёлчность, едкость (acerbitatis C; linguae, mentis Sil);
4) отвратительный запах, зловоние (paludis Col; animae ursi pestilens v. PM);
5) острый вкус, острота (vini PM); едкость, горечь (sc. maris Lcr; ponti Man).

23 октября

идешь ты квиромочка по набережной лейтенанта шмидта, там волны заливали нижнюю гранитную террасу и ты балансируешь буквально на нулевом уровне над уровнем моря - будто христос, только не в белом венчике, а в потрепанном жизнью черном балониевом бигсайзе с капюшоном и каких-то безразмерных штанах-адиках обрезанных как у зуммеров, но неряшливо. но история не об этом, а том что идешь ты такой весь погруженный в свои фантазмы, самовозгоняясь мифологией города-текста и поэтикой самого искусственного из природных и самого природного из искусственных пространств, и не замечаешь как уже давно стоишь на светофоре где-то в глубине васильевского острова, загорается зеленый, идешь на автомате и вдруг видишь впереди женщину, тянущую ребенка - мальчика за руку, поздний вечер, оба одеты скромно, у женщины вид усталой матери-одиночки, мальчик чуть не ухожен, наверное она забрала его с продленки, мальчик ест одной рукой чипсы, а за вторую мама тянет его против ветра по темной пустой улице, мама озирается на меня, я продолжаю идти за ними, улыбаясь где-то глубоко внутри себя и ритмично пружиня, давая затекшим за день членам напитаться кислородом. вдруг мама резко останавливается, одергивая мальчика вместе с собой так, что тот чуть не роняет пачку с чипсами, мальчик испуганно цедит: мама что случилось. мама выдерживает паузу, косится на меня, и дождавшись когда я пройду, громким шепотом выговаривает мальчику: что что сам будто не знаешь что. до края твоего единственно слышащего уха доносится лязг ключей, мама быстро открывает дверь и утаскивает мальчика вслед за собой в парадную. ты по инерции продолжаешь идти дальше, но потом встаешь как вкопанный, слезы наворачиваются на твоём лице, нахлынивают как те невские волны нулевого уровня воспоминания: вот мама тащит тебя с собой по ленинградской слякоти после трех работ, когда покойный ныне батя еще сидел в местах не столь отдаленных, вот ты ни разу не заплакал и стойко стоял в очередях за синими курицами в 80-е, вцепившись в пальто какого-то дяди. да ромочка, это тебя - в белом венчике из роз сейчас эта женщина с ребенком испугались на темной продуваемой всеми питерскими ветрами улице. и вот ты стоишь сейчас, готовый заплакать, броситься назад к этой женщине с ребенком и слезно уверить их, что ты не тот, за кого они тебя приняли, что ты ничем им не угрожаешь. но потом осекаешься, ведь если ты бросишься за ними, то напугаешь их тем самым еще сильнее. и вот ты стоишь, мечешься, готовый заплакать, но не плачешь, а филистерски олитературиваешь сырую горькую повседневность, будто каннибал, рыскаешь в поисках ничего не подозревающей человечинки, чтобы впихнуть ее в свой нарратив, да еще снабдив собственными биографическими припоминаниями. в итоге я даю волю слезам, а потом, высморкавшись, гордо вздергиваю подбородок и отвечаю своему внутреннему левому моралисту, вздумавшему усовестить меня присвоением чужих жизней: ведь и не было никакой истории, это все ты - ромочка осминкин, силой своего воображения собрал набор разрозненных случайных обстоятельств - маму, мальчика, чипсы, ветер, шепот женщины, звон ключей, и локализовал на них свое внимание таким образом, что они выстроились в вышеописанный нарратив. но это не значит, что на самом деле ничего этого не было, ведь для нейронов нашего мозга нету принципиальной разницы между воспринимаемой и вымечтанной, воображенной реальностью.

27 ноября

выйдя за кефиром в пятерочку я сразу почувствовал неладное. неладное дышало мне затылок оно витало надо мной. обычно что-то хотя бы что-нибудь предвещало, но тут

ничего не предвещало ничего. спускаясь по лестнице в парадной ни один хрящ в моем колене не хрустнул, ни одна соседская дверь не скрипнула, ничто не вызывало подозрений и свет автоматически загорался именно там куда падала моя тень, выйдя на улицу я еще больше заволновался так как на улице было именно так как и было написано в гисметео - моросил снегодождь и поддувал неприятный ветерок. причем ветер был неприятен именно ровно настолько чтобы про него можно было забыть через несколько секунд, что я впрочем и сделал, про снегодождь было забыть сложнее т.к. он иногда напоминал о себе мелкими попаданиями за шиворот но и тут довольно быстро эти попадания становились нечто сродни легкой щекотке и не ощущались как что-то из вон выходящее то есть автоматизировались своими ритмами и все тело уже заранее съезживалось и предуготовливалось к очередному попаданию будто бы группировалось перед нырком в воду, пройдя по темной улице и не встретив никого из прохожих неладное снова замаячило над мной так как было еще не очень поздно и отсутствие прохожих наводило на дурные мысли о том что я пропустил тревогу о радиационном заражении об аварии на ленинградской АЭС и город уже покинули люди, но свет в окнах еще горел, хотя он мог гореть как раз по вышеуказанным причинам - люди слишком быстро покинули свои дома и конечно им было не до того чтобы выключать за собой свет. все было очень подозрительно и фонари качались как обычно но я понимал что это совсем не та обычность которая обычно стоит за качанием фонарей, это какая то другая обычность, которая возникает когда человек слишком откровенно отрицает наличие данное и выдвигается в открытость миру, чтобы как то отнестись к нему, но я не выступал ни в какую открытость, я простое человеческое животное и следуя своему кислomолочному инстинкту, за что мне эти тревожные сигналы подает реальность, зачем мир вокруг меня делает вид что он такой же если он уже разладился, если что-то неладное постоянно выдает себя и даже не заботится о сокрытии своих следов, будто бы я не понимаю что эти как бы вполне обычные для данного времени года снегодождь и ветер, что это отсутствие прохожих и раскачивание фонарей это все только ширма, прикрытие для неладного, за которым оно уже уготовило мне что-то совершенно ужасающее, невыносимое, что-то немыслимое и непроговариваемое в языке, какое-то темное слепое пятно внутри меня, однако перспектива остаться без вечернего кефира все еще перевешивала и вела мои члены по пустынной улице в пятерочку.

27 ноября
продолжение

в пятерочке человек похожий на володю (далее я буду всех людей сразу называть по имени на которое они по моему похожи) прямо передо мной тянулся к кефиру пискаревский за 48 рублей. я тоже потянулся за этим кефиром ведь именно за ним и шел именно этот кефир пискаревского молочного комбината который находится в историческом районе пискаревка где есть одноименная железнодорожная станция и пискаревское мемориальное кладбище где хоронили в общих ямах миллионы погибших в блокаду ленинградцев именно за этим кефиром я и шел и сейчас тянулся за ним вместе с володей. напротив витрины проходили мимо тамара с ребенком они проходили мимо и мы оба с володей обернулись на них и они тоже посмотрели на нас тамара заглянула на володю и мне показалось даже что взгляды Володи и тамары на мгновение пересеклись но на проверку оказывалось что витрина исказила траектории взглядов и взгляды не пересеклись это была оптическая иллюзия и траектории взглядов тамары и Володи разошлись. я начал думать о фактичности языка, которым сейчас фиксирую это за неимением ничего другого, но все могло бы быть по другому, если бы пересекались запахи и звуки как у щупальцев осьминога, у которых каждый сосочек на щупальцах может быть дистальным и апроксимальным, то есть тентакулярным, то есть совершающим трансфузию зрения и запаха в рамках одного тела или даже органа. вот тогда бы володя унюхал тамару и протянул свои щупальцы к ней или наоборот тамара бы вбежала в пятерочку и бросилась на шею опешившему, кстати на шею опешившему - это

ассонанс или аллитерация или и то и другое? на шею опешившему володе с пискаревским кефиром в руках. но володя никогда не встретится с тамарой как с тамарой, вернее ему и не нужно с ней встречаться так как виртуально возможность встречи володи и тамары существует и ее просто нужно удерживать и не пытаться променять на реальную встречу всегда чреватую разочарованием не-узнаванием и забвением. удовлетворившись этим ловким спекулятивным кунштуком своего мышления я вышел из пятерочки с кефиром в руке. навстречу дворник улугбек катил коляску с картонными коробками утрамбованными и перевязанными под сдачу в пункте приема макулатуры, где вечно под мухой приемщик палыч, о господи ну почему я употребил этот стершийся штамп вечно под мухой, под какой еще мухой о господи, но это же моя внутренняя речь в которой и "о господи" и "под мухой" сосуществуют как бессознательное языка, чтобы мы делали если бы фрейд не придумал тебя - о бессознательное. дворник подкатил тележку к мусорному баку, чтобы набрать еще больше картона, спугнув огромную жирную ворону, которая слетела с края мусорного бака на землю держа в клюве яркую обертку шоколада альпен гольд. глупая ворона тут тебе не альпы подумал я, в воздухе запахло мазутом от ближайшей ТЭЦ, напоминая глупому мне о грубой материальности углеродной империи.

9 декабря

вы слышали как связывается лед нет вы слышали как он завязывается как хрусталики водоворот несет и они скрипят и переливаются по зеркальной невской глади и забываешь что нева мертва что внутри там вместо биоразнообразия рыбы мутанты с пластиковыми внутренностями нет вы слышали как связывается лед в начале декабря при первых заморозках при антициклоне, когда невозможное ранее звездное небо над невой отражается от поверхности ледяной, этот еще трепетный тонкий лед, кусочки мал мала меньше, ты сидишь на корточках и втыкаешь в него как он проплывает мимо тебя, при этом лед искрится, вступая с звездами в зеркальную игру, так что порою кажется, что между гладью ледяной и небом нету ничего кроме полоски узкой, где ты сидишь на гранитной уступке и когда лед ее касается, то он поскрипывает, почти попискивает от соприкосновений с гранитом, это и есть вода и камень, лед и пламень в своих агрегатных состояниях. а там где лед еще не завязался, там ладога несет свои холодные осколки, бесформенные самородки, которые друг с другом словно атомы сталкиваясь, образуют складки с рваными краями, это напоминающее о большой огромной евразии позади тебя дыхание северо-востока, и а ты сидишь и думаешь и разливаешься в среде и сливаешься со средой, нет не тебе сейчас принадлежит, не твоему взгляду надлежит что-то перцептивно внутрь себя принять, а ты и есть тот взгляд, ты вывернутая наружу оголенная глазница, а окрест тебя та объективное движение материи, которая внутри себя разделяется, соединяется, удерживается вместе, одним словом ты есть часть движения субстанции, одновременно мыслящей и протяженной, твоё мышление о ней уже включено в ее протяженность, а ее мышление уже включает твоё протяженное тело как хрусталик льда, и между вами нету трансцендентальных опосредований.

12 декабря

сегодня квиромочка прошел инициацию в пункте приема вторсырья, затерянном среди гаражей на 18 линии В.О. Было это так, притащив два полных пакета со стеклотарой и жестью, квиромочка протиснулся в узкую дверцу, ударившись о низкую решетку. на решетке болтался замок и квиромочка раздосадовано вылез было обратно, но тут подрулил, скрипя грозящим развалиться велосипедом-франкенштейном обвешанный баулами потрепанный жизнью рыжебородый мужичишко, показавшийся квиромочке в ту секунду старцем, но после того как он поднял на квиромочку свои шальные озорные глаза, я понял, что это совсем молодой витальный мужичишко. - закрыто, угрюмо процедил квиромочка и пожал плечами.

- не может быть, парировал рыжебородый, - вы в звонок звонили?
- в какой звонок, - растерянно ответил квиромочка.
- ну там звонок слева, чай не проходной двор, вы звоните, приходит Палыч и все у вас забирает.
- мы вернулись к калитке и квиромочка нажал на звонок.
- через 5 секунд послышалось шарканье и седой дедуля божий одуван загремел ключом в замке.
- квиромочка сдал свои скромные пакеты и зачем-то спросил: точно ли ничего не выбросят?
- эээ, чуть ошарашенно процедил дедок и рыжебородый только хмыкнул. - с чего нам выбрасывать то, если мы за это деньги платим, а?
- квиромочка пристыженно отвернулся и, буркнув до свидания, протиснулся между рыжебородым мужичонкой, уже начавшим деловито распаковывать свою добычу. на обратном пути квиромочка думал. думал о том, что пункт приема вторсырья это такое не-место, трещина (складка?) в социальном пространстве, где встречаются ведомые неорганическими объектами (нечеловеческими агентами) экосознательные и люмпенизированные горожане. и первые и вторые хоть и с разных сторон вытеснены на края, вынесены в маргиналии народного хозяйства эпохи позднепутинского госкорпоративного капитализма. но если первые воспитывают в себе экологическое сознание и этику, то вторые выпали в зону лишения по - как раньше бы сказали "воле судьбы" - , а сегодня ввиду ряда во многом независимых от них политэкономических факторов и биосоциальных экспериментов. но по факту первые своим экоактивизмом во многом компенсируют невозможность политического участия, если политика в понимании философа Рансьера это распределение тел в пространстве, то сортируя собственные отходы можно и вправду почувствовать себя политиком, упорядочивающим разные пластики, металлы, бумаги и стекло, а компостную кучу органической агорой, где разные микроорганизмы и бактерии сталкиваясь друг с другом, перегнивают в полезные удобрения нравов и благ воображаемой ЭкоРоссии будущего. люмпенизированные граждане ничего не компенсируют кроме чувства голода и алко/наркозависимости. эти экосубъекты поневоле, исходят не из этики и вместо воображаемой экороссии будущего сортируют и собирают такую же голую материю как и они сами. они срастаются с объектами и всякий раз перерабатывают пересобирают самих себя вместе с теми отходами, которое власть именует мусором. и вот этот "мусор" отказывается находить свою смерть на свалке человеческих отбросов и самоназывает себя вторсырьем - требует переиспользования, быть может с новой целью но в тех же наличных социальных условиях.

14 декабря

боюсь за маму, за милую трещинку в стене церкви андрея первозванного, за покосившуюся чугунную решетку, за дерево с признаками заражения, за все близко, за все то, что рядом, что равно моей душе. но есть другое равнодушие, это антропология равнодушия за незнакомых далеких людей. я никак не могу заставить себя сострадать им, даже показываемым по телевизору. почему мы смотрим на чужие страдания, спрашивала Сьюзан Зонтаг и отвечала: потому что в нашей природе наслаждение страданиями, образы страданий переполняют всю историю человечества от языческих фресок до Гойи, но не переполняют не сочувствием, не телесной эмпатией, страхом и тревогой. мы равнодушны к дальним и чуть менее равнодушны к ближним, но что такое равнодушие с точки зрения философии? Ханну Арендт упрекали за бесчувственность в отношении своего - еврейского - народа, пострадавшего от нацистов. когда арендт написала свою «банальность зла» по следам процесса над Эйхманом, она утверждала, что зло не сакрально и не мифично, не апокалиптическое и не антихристианское, а посредственно и бюрократично. зло - это отказ думать и бездумное выполнение приказов, отказ мыслить и принимать решения после диалога с собой. зло - это

беспрекословное отождествление себя со своей функцией в системе, с винтиком в машине. а власть - это не трансцендентное насилие, а бумагооборот и волокита. я иду вдоль реки Нева и вспоминаю строки из Медного Всадника, про то, как по водам взбунтовавшейся Невы плыли «гробы с размытого кладбища». Пушкин описывал страшное наводнение 1824 года в Петербурге, после которого герой пьесы - бедный Евгений сошел с ума от того, что его возлюбленная утонула. пастернак писал что в наши дни и воздух пахнет смертью, кто то говорит что культура станет ещё более культурной — ещё больше отдалится от природы, от мира физических явлений, но это блядь не так не так, культура и природа уже стали природокультурой, они не разлей вода. но я не могу впустить этот предельный опыт безумия в себя, я слишком интерпассивен, поэтому продолжаю наслаждаться страданиями других, сам находясь на безопасной дистанции. Но пандемия обнажила наш социальный дарвинизм, и дистанция стала привилегией. Моя мама уже переболела коронавирусом, так как она врач и заразилась почти одна из первых. Но я не лягу с прокаженными и не согрею их на смертном одре. Я могу только тихонько воспеть их муки своим слабым голосом поэта.

17 декабря

сегодня ромочка забрел в исторический район васильевского острова чекуши, на косой линии на глухих заборах в глубине промзоны через каждые 10 метров повторяется надпись лень, ты идешь, а тебе все время напоминает о себе невидимый спутник, оставивший следы своей лени: лень лень лень... но это так только если лень это существительное, только если это некое состояние души и тела, некое качество как бы присущее кому либо, лень в отрыве от того самого тела, к которому она относится становится ленью как таковой, автореферентным отсылающим к себе означающим без означаемого, местом без пассажира. но что еще удивительно, что поражает, так это то, что если лень не существительное, а предикатив, если этот предикатив обращен к случайному прохожему, который может подставить к нему любое действие: лень встать с кровати, лень дописывать статью, идею которой ты уже вымечтал, лень звонить сантехнику, лень идти в магазин, лень снимать показания со счетчиков, лень ругаться с соседями, лень менять никчемную но такую уютную жизнь, лень... и с каждой новой ленью, встречающейся на стене ты думаешь а, что же тебе еще сейчас лень, и в конце концов понимаешь, что тебе лень думать, что тебе еще лень, и ты, после некоего раздражения вдруг улыбаешься внутри себя, понимая, что вот же не лень было кому-то писать свою лень, этому чудаку или чудачке, а может быть наоборот этому бюрократу подсчитывающему лень, бюрократке ведущей учет лени, им было не лень таким приятным округлым почерком наносить свои метки лени, раз за разом впадать в перформативное противоречие между актом высказывания и высказыванием, но это не борьба между субъективным волением и объективной реальностью, это освобождение лени от своих носителей, так и от своей предикативной функции. лень как бесконечное различие, след, по которому мы идем, никогда не настигая того, кто его оставил, так как если бы мы только могли наделить лень конкретным значением и пристегнуть к чему-либо, так она тут же перестала быть ленью и стала бы метафизической мыслью самосознающего субъекта.

4 января

сегодня снова понял, что абсолютно равнодушен ко всему, что меня не трогает и глубоко неравнодушен ко всему что меня трогает, но границы между трогает и не трогает очень зыбкие и могут смещаться как клинамен между атомами, соединяя самые разные атомы, вещи мира друг с другом в непредсказуемые ансамбли, которые имманентно социальные, уже на уровне материи они политичны, например кафе якорь в промзоне на углу косой и кожаной линии на васильевском острове, название имеет нехитрый референс к

морскому заводу, академии макарова и другим портовым сооружениям, одним словом к мифопоэтике исторического района чекуши, название которого возникло то ли от колотушек которыми выколачивали засохшую слежавшуюся муку, доставляемую на баржах сюда из глубины россии или от чекушек - четверти литра емкости бутылок, которые рабочие пролетарии окрестных заводов опрокидывали в себя опосля смены. и вот невзрачное кафе якорь, каких сотни если не тысячи в городе петербурге обретает какую-то иную аутентичку, становится чем-то уникальным и зазывающим тебя свернуть с пути и бросить свое тело на якорь, зацепиться за это якорное означающее, запускающее ряд других означающих уже не по референциальному, а по коннотативному принципу - нулевого уровня письма как шума морского прибоя, абстрактного и бессюжетного, но постепенно оформляющегося в собственный нарратив: и вот ты внутри посреди безликого евроремота с вкраплениями китчевых репродукций картин с батальными морскими сценами, пластиковыми якорями на стенах и деревянной стилизованной под некое подобие судовой кухни барной стойкой. у тебя в стеклянном бокале темное василеостровское пиво, каждый глоток которого наполняет твоё тело не просто солодом и хмелем, а жидкой живой субстанцией, будто море теперь не снаружи, а внутри тебя, все бури одомашнены и боги вдувают ветер в твои паруса, это кровь разносит глюкозу по твоему телу, у воды мы учимся гибкости, наше письмо становится текучим, континуальным, волновым, одна мысль накатывает на другую, письмо это море, выбрасывающее на берег вашего воображения редкие вещицы, которые, однако никогда до конца не покрываются письмом, остаток вещи неустраним, вещь побуждает нас к разным, новым тактильно-тактическим альянсам, мы сидим внутри кафе якорь, море бушует внутри нас, море бушует вовне нас, наше тело принимает форму якоря, брошенного на дно субъектности, чтобы из пучины отчуждения посмотреть сквозь толщу воды вверх, замедлив номадический круговорот бесконечного воспроизводства одних и тех же смыслов, ведь если все меняется, то не меняется ничего.

11 января

писать потоком господи как холодно в клетушках в изоляции в свитере в двух носках ледяной дождь голову стянула корона невротика как опоясывающий сжимающийся обруч какой сюжет сегодня выбрать начинаешь думать обруч сжимается будто мысли затягивают его а безмыслие ослабляет но как так может быть мозг это не контейнер не мешок с дерьмом господи вдувай мне в анус ветер чтобы я встал и пошел за хлебом и кефиром.

12 января

сегодня шел мимо щербатых стен глухих заборов на шкиперском протоке, видел надпись «прости меня моя любовь», в моей голове тут же заиграл нехитрый мотивчик из песни певицы земфиры - популярной поп-рок дивы 2000-х годов (да я такой старый, что помню земфиру и ее как тогда казалось эмансипаторный лесбийский посыл). может быть анонимный граффитист или граффитистка, пиша эту строчку вовсе не отсылал_а к земфире, но ее голос и музыка уже безнадежно играют в моей голове. а пока они играют я иду и думаю про то, что стены промзоны это вообще отдельная коллективная песня. если приглядеться, то они представляют собой сплошной многослойный и многоголосый палимпсест абстрактных нефигуративных цветов и знаков - множество оттенков серого, бежевого, желтого, бурого, красно-кирпичного белого. словно была проделана работа множества анонимных социальных акторов и нечеловеческих агентностей - от работников жкх, строителей. ремонтников, граффитистов, рекламщиков, а также солнца, ветра, дождя, выхлопных газов автомобилей, пара из заводских труб, грязи из под колес проезжающих фур и еще множества невидимых обычному глазу сил и самостей. и каждый прохожий и прохожая проходя мимо этих стен может начать читать их всем

телом со скоростью своих шагов, ускоряясь или притормаживая, фокусируясь или рассеивая взгляд. но еще каждый может прикоснуться к стене, из оптического режима перейти в гаптический, ведь касание - это устранение всех посредников между вашим эпителием и соседней материей. прикоснитесь к стене, погладьте ее шершавое, холодное, бесприютное тело. и вы почувствуете, как она податливо прогибается под вашей рукой, как кошка. стена - это кошка, ждущая чтобы ее погладили.